
О ПОЛЬЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Тишков А. А.**

География в России прошла долгий путь от науки, усилиями которой шло формирование территории государства – единого геополитического пространства Российской империи, до современной мировоззренческой науки, оперативно реагирующей на вызовы глобализации. Показано, что страна при игнорировании политико-географических основ теряет вектор пространственного развития, стратегические стимулы и смыслы. Если ею не осознается место в мировом пространстве, ей не ставят стратегические цели, не определены четко границы и правила жизни с соседями, если она не борется с их колониальными и реванистскими амбициями, если не определено существование на разных уровнях геополитической интеграции, то в перспективе страну ждет хаос. В статье географическое пространство представлено как приоритетный объект географии и особый стратегический природный ресурс. Ретроспективно рассмотрены проблемы становления политической географии в России, ее современные реалии и перспективы «нового экономического мира» в условиях глобализации.

Ключевые слова: политическая география, геополитическое пространство России, концепция территориально-политической (само)организации, пространственное развитие, границы, новые территории, окраины страны.

ON THE BENEFITS OF POLITICAL GEOGRAPHY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Geography in Russia has come a long way from the science whose efforts led to the formation of the territory of the state – the unified geopolitical space of the Russian Empire, to the modern science of the worldview, which promptly responds to the challenges of globalization. It is shown that the country, ignoring the political and geographical foundations, loses the vector of spatial development, strategic incentives and meanings. If it does not realize its place in the world space, does not set strategic goals, does not clearly define the borders and rules of coexistence with its neighbors, does not fight their colonial and revanchist ambitions, does not define its existence at different levels of geopolitical integration, then chaos awaits

* Статья подготовлена по теме госзадания Института географии РАН № FMGE-2024-0007.

Для цитирования: Тишков А. А. О пользе политической географии в условиях глобализации // Век глобализации. 2024. № 3. С. 118–131. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.11.

For citation: Tishkov A. A. On the Benefits of Political Geography in the Context of Globalization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 3. Pp. 118–131. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.11 (in Russian).

** Тишков Аркадий Александрович – член-корреспондент РАН, профессор, г. н. с., заведующий лабораторией биогеографии Института географии РАН. E-mail: tishkov@igras.ru.

Arkadiy A. Tishkov – Corresponding Member of the RAS, Professor, Chief Researcher, Head of the Biogeography Laboratory at the Institute of Geography of the RAS. E-mail: tishkov@igras.ru.

the country in the future. In the article, geographical space is presented as a priority object of geography and a special strategic natural resource. The problems of the formation of political geography in Russia, its modern realities and prospects of the 'new economic world' in the context of globalization are considered retrospectively.

Keywords: *political geography, the geopolitical space of Russia, the concept of territorial-political (self-)organization, spatial development, boundaries, new territories, the outskirts of the country.*

Политико-географические основы развития – важный элемент государственной идеологии, обязательное условие жизни общества, международного сотрудничества и дипломатии, особенно в условиях глобализации. Это не банальное «с кем дружить?», «с кем торговать и чем?», не раздел стран и регионов на сферы влияния. Это долгосрочная стратегия добрососедского сосуществования с другими странами, четкое определение своего места на политической картине мира и своей миссии на планете, *пространственный вектор развития*.

Неслучайно и сейчас наиболее обсуждаемые в российском обществе вопросы: до каких рубежей будет развиваться СВО? До Киева? До Львова? До Одессы? Каковы перспективы новых присоединенных территорий? Вписывается ли территориальная неопределенность в геополитическую стратегию государства? Может ли отечественная географическая наука предложить новую модель пространственного развития?

Известно, что на протяжении столетий сформировались представления о «буферных» и «санитарных» зонах, которые должны обеспечить мирное развитие приграничных территорий государства. При Иване Грозном речь шла о Польше и Ливонском ордене, при Петре Первом – о территориях на границе со Швецией, при Александре III – «миротворце» (*ни одной войны за время царствования!*) – о ситуации на Балканах и в целом на западных рубежах России. Наконец, уже в XX в. так было при В. И. Ленине (политико-географическое обоснование Брестского мира), при И. В. Сталине – когда практически вся Европа объединилась вокруг Германии, при Н. С. Хрущеве – когда подписание Варшавского договора (1955) ознаменовало формирование биполярности, сменившейся после распада СССР однополярностью. Следует ожидать, что в новых условиях соответствующие вопросы будут поставлены перед географической наукой.

Ни в одной науке нет такой страшной цены за просчеты и ошибки, как в политической географии: расплачиваться приходится кровью народа и территориями. В качестве относительно близких по времени иллюстраций можно упомянуть постыдный Брестский мир, объединение Германии в 1990 г. и распад СССР в 1991 г., распад Югославии. Последние события означали отказ Запада от ялтинских договоренностей. Но если заглянуть вглубь истории России, то таких ситуаций, правда, на фоне постоянного приращения территорий и акваторий, окажется немало. В определенной мере это следствие игнорирования стратегической идеи политической географии.

Менялись лидеры страны, менялась геополитическая обстановка в мире, а вместе с ней и роль практической географии в государстве [Тишков 2023]. Но остаются актуальными заветы М. В. Ломоносова, который считал территорию страны ее главным национальным богатством, говорил о необходимости «*приумножения*

российского народа» и заселения земель (российские просторы *«тицетны без обитателей»*) [Котляков, Тишков 2011]. В книге «О слоях земных», написанной Ломоносовым не позднее 1761 г., говорится о *«нашем общем доме, где мы живем и движемся»*. В этом академическом труде можно найти истоки всех направлений нынешней отечественной географии – от геоморфологии и палеогеографии до климатологии, экономической и политической географии. О том, что к политико-географическим идеям первого русского академика прислушивались правители, свидетельствует вся отечественная история.

В Северной Евразии географические знания накапливались параллельно с расширением границ Российского государства. Уже в период царствования Ивана III, Василия III и Ивана Грозного организовывались экспедиции в отдаленные районы страны для поиска руд, составления географических карт [Рыбаков 1974]. Был учрежден Приказ каменных дел (1584), подготовлены первые карты государства в новых границах (указ Ивана Грозного 1552 г. «землю измерить и чертеж государству сделать...»). Вершиной русской картографии XVI в. стал «Большой чертеж всему Московскому государству», составленный в период 1598–1600 гг. в так называемом Разрядном приказе. С позиций политической географии по-иному выглядят опричнина («государевы земли», «государево дело») и земщина («боярские земли», «Боярская дума»), отнесение к опричнине Поморских земель (взятие их под царскую защиту от посягательств Англии), а также поход Ивана Грозного на Новгород (борьба с сепаратизмом, латинизацией западных окраин и подкупом новгородской и псковской элит Ливонским орденом). Итогом стало создание крупнейшего в Европе быстрорастущего, с относительно крепкими границами и развивающейся экономикой, государства [Тишков 2023].

Пространство как особый природный ресурс России

Пространство как объект исследований географии и как особый стратегический природный ресурс – это не только среда для жизни людей и размещения производства, но и неотделимая от идеологии и ментальности народов, населяющих ту или иную территорию, сущность. Оно используется людьми для создания материальных и духовных благ и само по себе служит реальным благом с соответствующими качественными и количественными свойствами. Этот незаменимый ресурс характеризуется исторически обретенными размерами и границами, конфигурацией, физическими, химическими и биологическими особенностями среды (климат, почвы, ландшафты, биота и пр.), взаимодействием с соседними пространствами. Традиционно выделяются воздушное, водное (пресные и морские акватории), наземное (территория), подземное и космическое пространства. Ресурсное содержание каждого из них очевидно. Оно может меняться во времени, зависит от положения среди других суверенных пространств, при некоторых формах эксплуатации оказывается исчерпаемым и даже непригодным к использованию.

Применительно к государству, суверенитет которого признан другими государствами, пространственные ресурсы имеют определенное географическое положение, отличаются разнообразием природных ландшафтов, степенью хозяйственной освоенности и антропогенной трансформации, природным потенциалом. Они включают сушу в пределах сухопутных границ, внутренние и территориальные воды (в том числе морские), воздушное пространство над сушей и водами (тропо-

сфера, стратосфера, ионосфера, а также часть вышележащего пространства). Подземные и подводные недра с полезными ископаемыми также принадлежат государству. Рост численности населения, расширение масштабов природопользования, транспортного и городского использования земель, развитие сети особо охраняемых природных территорий приводят к дефициту пространства, сдерживанию экономического развития и ограничению его разных форм. Государства, обладающие значительными пространственными ресурсами, располагают экономическими и геополитическими преимуществами в обеспечении полезными ископаемыми, возможностями для диверсификации экономики и независимости от внешних факторов.

Ценность пространственных ресурсов России (сухопутных и морских) складывается из самой крупной в мире ее площади, разнообразия природных зон и ландшафтов, богатства полезными ископаемыми, наличия Великого Евразийского природного массива (около 13 млн км²) с малонарушенными экосистемами, служащими экологическим донором для всей планеты, а также из центрального положения России в Евразии. Последнее обстоятельство может использоваться с огромной выгодой для экономики и населения, так как позволяет обеспечивать значительные потоки транзитных перевозок (сухопутных, морских и воздушных) между Евросоюзом, Южной и Юго-Восточной Азией, в том числе Китаем, Ближним Востоком и США.

Многие столетия российское геополитическое пространство оставалось главным объектом внимания и забот государства, а его географическое изучение – одним из главных приоритетов. Это можно проследить на исторических примерах значения политической географии в жизни страны.

Истоки академической географии России и старт формирования геополитического пространства страны

Профессор Санкт-Петербургской академии наук Г. Ф. Крафт в 1720–1730-х гг. рассматривал политическую географию как часть географической науки. Понятием пользовался и В. Н. Татищев [Котляков, Тишков 2011]. В 1740-х гг. усилиями академии был издан так называемый «Российский атлас Кириллова». В эти годы М. В. Ломоносов целенаправленно интересовался географией, подчеркивал ведущую роль географической науки в жизни российского общества. В публичном выступлении 1749 г. он говорил: *«Что полезнее есть человеческому роду к взаимному сообщению своих избытков, что безопаснее плавающим в море, что путешествующим по разным государствам нужнее, как знать положение мест, течение рек, расстояние градов, величину, изобилие и соседство разных земель, нравы, обыкновения и правительства разных народов? Сие ясно показывает География»* [Ломоносов 1959: 252; курсив мой. – А. Т.].

Академия наук с первых лет своего существования оставалась главным исполнителем экспедиционных работ в стране [Тишков 2023]. Первая Камчатская экспедиция (1725–1729) под началом В. И. Беринга искала, *«где Азия сошлась с Америкой»*. Ее результаты указывали на возможность морского пути из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Важным результатом экспедиции стало и предложение Беринга, поддержанное обер-секретарем Сената И. К. Кириловым и президентом Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головиным, об организации Великой северной экспедиции (Второй Камчатской) 1733–1743 гг. для изучения Севера России «от Печоры до Чукотки», берегов Японии и Северной Америки – Аляски.

К разрешению проблемы Северного морского пути ученый подошел с точки зрения интересов развития морского дела и освоения Крайнего Севера, подчеркивая его важность в политическом и хозяйственном отношении. Наиболее известными его работами в этой области стали «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763) и «О северном мореплавании на восток по Сибирскому океану» (1764). Все достижения исследователей обрели выражение арктических владений государства, которые спустя 260 лет получили черты «исторически сложившейся национальной единой транспортной коммуникации», территориальных вод и арктического шельфа [Котляков, Тишков 2011].

Проекты исследования российских земель, разработанные М. В. Ломоносовым, в значительной мере удалось воплотить в жизнь во время знаменитых академических экспедиций 1770–1780-х гг. Десяток морских отрядов и несколько сухопутных экспедиций решали не только естественно-научные, но и геополитические задачи. Их итогом стали более точные сведения о сибирских владениях («Описание Сибирского царства» 1750 г. и «Описание земли Камчатки» 1755 г.), карты арктических и дальневосточных побережий. Географический департамент Академии наук, созданный в 1739 г., в эти годы работал как мощное государственное учреждение, обеспечивая картографическим материалом управление растущей страной.

Созидающая география и расширение территории России

В XIX в. именно благодаря учету геополитических интересов страны и укреплению добрососедских связей на юге и востоке география становится *созидающей* наукой. После закрытия в Академии наук Географического департамента (1799) география активно развивалась в университетах, в Военно-топографическом депо и Академии Генерального штаба (с 1812 г.), а с 1845 г. – в Императорском Русском географическом обществе.

Усилиями исследователей-географов шло развитие территории Российской империи, хозяйственное и культурное сближение ее народов, обретались стратегические политико-географические цели. Без захватнических войн, колонизации и истребления аборигенных народов пространство России приросло территориями Финляндии, Польши, Северного Кавказа и Закавказья, Черноморского побережья, Бессарабии, ханств Средней Азии, Приморья, Амурского края, Сахалина, арктических побережий и архипелагов с 16 млн км² в середине XIX в. до 22,8 млн км² к 1900 г. [Тишков 2023], несмотря на то что в 1867 г. Россия продала США Аляску, Алеутские острова и свои владения в Калифорнии – всего 1,5 млн км² (академик В. И. Вернадский говорил об этом как о печальной странице русской истории и недальновидном и преступном акте).

Приращение земель нашего государства на западе и юге почти тысячу лет происходит как создание своеобразного «буфера», препятствующего захватническим войнам и колонизации земель восточных славян западными странами. Для юга (Кавказ и Центральная Азия) гражданскими и военными географами были сформулированы стратегические основы государственной политики («покровительство» и «подданство»), исключающей междоусобицы, претензии и подстрекательство стран, фактически находившихся под управлением Британской и Османской империй, а в Закавказье – и Ирана. Гюлистанский мир 1813 г. стал началом

присоединения народов Кавказа и Закавказья к России и формированию здесь новой государственной границы.

Но, как это нередко случается, одни формируют и укрепляют геополитическое пространство, создают условия для мирной жизни, а другие в угоду недружественным странам и своим амбициям разрушают их. Так было, например, на Дальнем Востоке, когда уже после подписания Нерчинского договора, определившего границы России и Империи Цин, наша страна пошла на территориальные уступки. И лишь экспедициями Г. И. Невельского (*«Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен»* – Николай I), Н. М. Пржевальского, М. И. Венюкова и др. в состав государства вошли Приморский край и Приамурье. Сходная ситуация сложилась после экспедиций Н. М. Пржевальского, договорившегося о защите земель народов, обитавших на Черном Иртыше, Или и Зайсане, когда правительство Российской империи фактически отказалось от них.

Кстати, просчеты политико-географического плана Н. С. Хрущева обнаружились, когда не нашлось рядом эксперта-географа, который был способен с аргументами и с картами в руках отговорить от волюнтаристских геополитических решений (*«привет»* Гюлистанскому миру спустя 140 лет!). Речь идет об отказе от претензий СССР к Турции в отношении некоторых территорий Грузинской и Армянской ССР (1953) и далее по списку: передача Крыма Украинской ССР (1954), владений СССР в Манчжурии – Китаю (1954), полуострова Порккала-Удд – Финляндии.

Но вернемся в XIX в. За сравнительно короткое время усилиями членов академии и участников многих морских и сухопутных комплексных экспедиций Санкт-Петербург превратился в *мировой центр географических исследований*. Затишье в географических открытиях западноевропейских стран не сказалось на активности российских географов, которые продолжали исследовать «новые земли», совершали открытия, вполне сопоставимые с мировыми. В 1803–1805 гг. состоялось первое кругосветное путешествие под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Всего же русское правительство при участии Академии наук в XIX в. организовало около 50 только крупных морских экспедиций, во время которых были открыты, описаны, нанесены на карты сотни островов, прежде всего в Тихом океане. В этот же период экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева (1819–1821) была открыта Антарктида. Все новые земли получили русские имена, но в дальнейшем были захвачены Англией, Францией и США. Сухопутных экспедиций, особенно в Арктику, на Дальний Восток и Центральную Азию, было еще больше.

О пользе политической географии в жизни государства можно судить на примере деятельности выдающегося географа генерал-майора Н. М. Пржевальского, совершившего во второй половине XIX в. шесть экспедиций в Центральную Азию. Несомненно, он был ярким представителем политической географии, предвидевшим многие приграничные конфликты и векторы развития окраинных регионов России – Дальнего Востока и Центральной Азии.

В XIX в. академик К. И. Арсеньев, один из отцов-основателей Русского географического общества, продолжил традиции политической и экономической географии, заложенные «Лексиконом» М. В. Ломоносова. Он возглавлял статистическое отделение Министерства внутренних дел, был одним из наставников императора Александра II. Его вклад в становление географии настолько велик,

что идеями ученого наша наука питалась вплоть до первой трети XX в. Им на основе данных российской статистики было предложено несколько сеток экономического районирования, отражавших развитие хозяйства, в том числе новых территорий и национальных окраин.

Другой выдающийся географ, почетный член Академии наук с 1873 г. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, удачно соединял в своих исследованиях физическую и политико-экономическую географию. Первая достаточно полно была представлена его экспедициями 1856–1857 гг. в западную часть Центральной Азии, сравнительно-географическим анализом гор Тянь-Шаня, а также созданием отечественной школы географов-путешественников в период 1873–1914 гг. Речь идет о его научных программах для экспедиций Русского географического общества – Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. А. Кропоткина, А. И. Воейкова и др. В этих программах были заложены и политико-географические задачи.

На стыке XIX и XX вв. вдруг В. П. Семенов-Тянь-Шанский [1915] заговорил об отсутствии в России *«научной политической географии»*, а среди немногих продолжателей ее традиций отмечал П. П. Семенова-Тянь-Шанского, А. И. Воейкова и В. И. Ламанского. Но в период роста экономики и политического авторитета страны, по-видимому, актуальность этого снижалась.

Правда, профессор В. В. Докучаев – основоположник отечественного *почвоведения и учения о зональности природы*, выдающийся физико-географ, исследователь степей – в этот период приложил много усилий и знаний для такого географо-политического шага, как аграрное освоение новых земель, прежде всего дальневосточных окраин. После Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров Россия возобновила заселение Забайкалья и Дальнего Востока. Численность населения здесь выросла с 1860 по 1897 г. в 18 раз в Приморье и в 23 раза в Амурской области (!). Деятельность В. В. Докучаева в Переселенческом управлении рассматривается как приложение его географических знаний для решения геополитических целей государства. Аналогичным образом, с заботой о развитии хозяйства окраинных районов Кавказа и Закавказья он организует туда экспедиции и сам участвует в них.

Академик В. И. Вернадский – самый выдающийся и преданный ученик В. В. Докучаева – на рубеже XIX и XX вв. заложил в академическую географию основы будущего развития, прорывных направлений и инноваций. Они касались и физического (он стоял у истоков создания десятков профильных институтов для развития наук о Земле), и гуманитарного «крыльев». Это не только учение о биосфере-ноосфере, возвращающее нас к единой географии, и даже не представление о биогеохимических циклах и биологическом круговороте веществ – «кровотворных потоках», соединяющих ландшафты и обеспечивающих правило «растекания жизни» на Земле. Самое главное – *футурологический феномен* его идей [Тишков 2022; 2023]. В географию В. И. Вернадский заложил зачатки науки будущего, опирающейся на геоинформационные технологии, большие объемы эмпирических данных, глобальные модели, «углеродоцентрическое» представление о триггерах жизни Земли и ее климата.

В год его 160-летия нынешние поколения смогут по-новому осмыслить идеи ученого-энциклопедиста, географа, основоположника геохимии, русского космизма и евразийства, человека ноосферы – «мира без войн», голода и бедности.

Он же стоял у истоков продолжающегося изучения и укрепления российского геополитического пространства – еще в 1915 г. создал Комитет по изучению естественных производительных сил России (КЕПС, в дальнейшем – Совет по изучению производительных сил – СОПС), обосновал и необходимость возвращения к традициям «академических экспедиций», заложенным еще М. В. Ломоносовым. По инициативе В. И. Вернадского в голодном и холодном Петрограде в 1918 г. был создан Институт географии [Тишков 2023].

О проблемах политической географии СССР в предвоенный и военные периоды XX в.

Нынешняя ситуация на северо-западе России (вступление Финляндии и Швеции в НАТО) заставляет нас вернуться к «забытому» политико-географическому сюжету – российско-шведскому, который с начала XIX в. стал и российско-финским. Многие столетия Швеция не давала покоя России на северо-западе. Первое разделение границ по Ореховскому миру было в 1323 г. В ходе Северной войны в 1721 г. Финское княжество по Ништадскому мирному договору отошло к России, но, как это бывало обычно в политике российских элит, по результатам лоббирования и политических торгов Финляндия была возвращена Швеции, за исключением юго-восточных районов, стратегически важных для развития Санкт-Петербурга. Но Швеция продолжала политику реваншизма и в 1741 г. развязала новую войну против России, в результате которой Финляндия вновь была занята Россией. В 1809 г. она окончательно «уступила» Финляндию России. Вернее, Финляндия перешла под защиту России, впервые в своей истории получила автономию в статусе Великого княжества Финляндского, имела свой парламент, законодательство, язык, образование и собственную денежную единицу, финны не призывались в российскую армию. Население княжества выросло с 860 тыс. человек в 1810 г. до почти 3 млн человек в 1910 г. После Октябрьской революции Финляндия получила независимость и локальную гражданскую войну, которая сразу переросла в Первую советско-финскую войну (1918–1920). Ослабленная войнами и революцией Советская Россия, у которой еще не сложилась геополитическая стратегия, пыталась на этом участке границы остановить территориальные захватнические действия «молодого соседа», на севере (выход к Северному ледовитому океану – полуострова Рыбачий и Средний) и на юге (Выборг, Сортавала).

С позиций политической географии советско-финский конфликт 1939 г., несмотря на прогерманскую позицию финской стороны в 1930-х гг. как союзника гитлеровской Германии, мог бы разрешиться мирно. Тем более что с финской стороны одним из главных действующих лиц конфликта был бывший российский генерал, военный географ, в 1918–1919 гг. – регент, а в 1944–1946 гг. – президент Финляндии К. Г. Маннергейм (его дружеские отношения с послом СССР в Швеции А. Коллонтай помогли в 1944 г. добиться выхода Финляндии из войны). Он, по некоторым данным, был против союза Финляндии с Германией, понимал суть назревающего конфликта и, по-видимому, готов был к его мирному решению (правда, в это же время строил оборонительные линии на путях возможного вторжения советских войск – «линии Маннергейма»). На переговорах по делимитации границ 1939 г. СССР предлагал за уступку некоторых островов в Финском заливе и «перенесение границы от Ленинграда» в три раза большие участки Со-

ветской Карелии и другие преференции. Как тогда заметил И. В. Сталин: «*Мы ничего не можем поделаться с географией, так же как и вы... Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу*» [Окунев 2019; курсив мой. – А. Т.]. А речь шла об исторических границах России и Швеции на Карельском перешейке (90 км от Ленинграда). Фактически – о спасении «северной столицы» в случае войны.

Позитивные действия СССР – возврат от Финляндии в 1940 г. по Московскому мирному договору полуостровов Рыбачий и Средний, Выборга и Сортавалы, а в 1944 г., уже в соответствии с перемирием, – возврат Печенги, которая в 1920 г. отошла Финляндии по Тартускому мирному договору. Если бы не это, здесь бы так и хозяйничали французские и канадские компании по добыче никеля.

Понятно, что слабость Советской России в первые годы после революции и гражданской войны в отношении удержания окраин и укрепления границ, а потом и война с Финляндией, Халхин-Гол, пакт Молотова – Риббентропа и много другое – серьезные издержки в отношении пространственного развития СССР и его приграничных территорий.

Советская Россия фактически отказалась от услуг политико-географов как представителей «буржуазной науки». Эта отрасль географии накануне Второй мировой войны была полностью задавлена идеологическими догмами и ярлыками, отчасти репрессиями специалистов и отказом от новых пространственных моделей существования во враждебном окружении. Лозунги Коммунистического интернационала, да еще в условиях исключения СССР из Лиги Наций – это не из области стратегической политической географии. Поэтому – «*Граница на замке!*».

Но в то же время потребности в географической информации растущего хозяйства России начала XX в. ни Императорское русское географическое общество, занятое больше экспедициями в разные уголки Центральной Азии и Дальнего Востока, ни университетская география не могли удовлетворить в политико-географических рекомендациях. Именно тогда как противопоставление книгам русских географов-путешественников о Тибете, Монголии, Китае появились издания А. А. Крубера «Очерки России» (1906 г.), Д. И. Менделеева «К познанию России» (1906 г.), А. Е. Снесарева «Военная география России» (1907 г.) и др. Наконец, событием мировой и российской географической науки стала книга немецкого географа А. Геттнера «Россия, культурно-политическая география» (1909 г.). Его позиции были близки большинству российских географов начала века, но не только потому, что многие из них, особенно молодая профессура – А. А. Григорьев, Л. С. Берг, С. В. Бернштейн-Коган, Л. Д. Синицкий и др. – получили географическое образование в Германии. Они восприняли «хорологическую концепцию географии» А. Геттнера, его географический детерминизм и представление о единстве науки, хотя шли дальше его чисто «страноведческого» и «хорологического» взгляда.

Созданный в 1921 г. Госплан вместе с географами Академии наук сразу стал заниматься районированием (21 «район Госплана» был утвержден в 1922 г.) и территориальной организацией хозяйства. В то же время огромные пространства России были малоизученными, а сведения о ее ресурсах – очень скудными. К моменту создания Института географии, например в 1918 г., как отмечал спустя почти 40 лет, в 1957 г., академик И. П. Герасимов, «*более или менее точные карты охватывали только одну пятую часть площади всей дореволюционной России*» [Тишков 2023]. Это и стало причиной бурного развития экспедиционной деятель-

ности Академии наук в 1920–1930-х гг. Вот такой всплеск экспедиционной работы в Советской России спустя 200 лет после первых академических экспедиций!

В целом довоенный период деятельности географических учреждений АН СССР и СОПСа можно считать беспрецедентным – все крупные промышленные, энергетические и транспортные проекты в СССР сопровождались географическими изысканиями. Ежегодно в разных уголках страны работали сотни экспедиций (203 только в 1933 г.!). Быстро шло «стирание белых пятен» на карте СССР и развитие академической географии. Ее отход в 1930-х гг. от традиций «отраслево-статистической» школы эконо-географа В. Э. Дена к «районной» школе Н. Н. Колосовского и Н. Н. Баранского, с одной стороны, помог географии выполнять для государства в тот период функции мобилизационного и ресурсно-обеспечивающего плана, а с другой – не позволил даже на уровне экспертных рекомендаций помочь руководству страны решать многообразие территориальных вопросов. И. В. Сталин, хотя и был государственным стратегом, но в отсутствие экспертов (политико-географов) вопросы территориальных споров, государственных союзов и границ решал не всегда логично и соразмерно будущему многополярному миру, а не «всеобщей победе коммунизма». Всплеском понимания места политической географии в развитии страны в довоенное время был, по-видимому, 1926 г., когда СССР выпустил специальный декрет «Об объявлении территорий Союза ССР, земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Этот декрет касался всех известных и еще не известных на тот момент земель и островов, расположенных между границей СССР с Финляндией и серединой Берингова пролива (напомним, что нанесение на карту архипелага Северная Земля – последнего крупного географического открытия в Арктике 1913 г. – к этому времени еще не было закончено). К сожалению, Советская Россия «опоздала» в отношении Шпицбергена (Груманта): в 1920 г. согласно Парижскому соглашению архипелаг получил международный правовой статус, а в 1925 г. Норвегия объявила его частью Норвежского королевства. Тартуский мирный договор также был не в пользу России – Печенга, полуострова Рыбачий и Средний, Айновы острова, остров Кий и др. отходили Финляндии. Вдоль границы Стран Советов в первые годы ее становления многое делалось вопреки ее геополитическим интересам. А политико-географические моменты того, что происходило внутри страны в соответствии с ленинским лозунгом 1914 г. «О праве наций на самоопределение», представлениями о «чуженациональных коллективах» и сталинскими «великодержавными планами», не поддаются пониманию.

Часто Страна Советов вопреки географической логике «объединяла необъединимое», «делила исторически неделимое», создавала «государствозподобные химеры» и «экспериментировала» с государственными образованиями на северо-евразийском пространстве. Вспомним «ленинский проект» 1917 г. Украины с пятью областями без Галичины, Волыни, Донбасса, Крыма и причерноморских земель со столицей в Киеве, Донецко-Криворожской советской республики со столицей в Харькове, а затем в Луганске. Витебская, Могилевская и Гомельская области вместе с Крымом и Казахстаном были в составе РСФСР, Оренбургская область только в 1925 г. была выделена из Киргизской АССР и передана в РСФСР (Средневожский край). Советские народные республики Хорезмская и Бухарская, многонациональные, с историческими рубежами, просуществовали с 1920 по 1924 г., распределив в дальнейшем свои территории между Каракалпакской автономной областью, Узбекской, Туркменской и Хорезмской ССР. Но до сих

пор здесь сохраняется «анклавность» сезонных пастбищных земель. Примеры можно продолжить.

Политико-географические издержки такого территориального сумбура стали возникать еще до войны. В отношении территорий вдоль границы между СССР и японо-маньчжурскими государственными властями (в том числе островов на реке Амур), приграничных территорий Турции (Армянской и Грузинской ССР) и др. «Независимая» Тувинская Народная Республика, которая 25 июня 1941 г. вступила во Вторую мировую войну на стороне СССР, в 1944 г. присоединилась к нему. Из-за отсутствия четкой стратегической политико-географической позиции в Советском Союзе, которая могла бы быть сформирована только при экспертной роли политической географии, реализуемой через дипломатию, международная изоляция страны, нестабильная обстановка вдоль границ сохранялись долгое время. Так, СССР последним, после Польши (1934), Великобритании и Франции (1938) и стран Прибалтики (1939), заключил пакт о ненападении с Германией, начал войну с Финляндией, участвовал в пятом разделе Польши, в 1940-м г. присоединил страны Прибалтики, Бессарабию, Северную Буковину, часть финской территории. Все ли эти действия создавали реальный «санитарный кордон» от объединившейся вокруг Гитлера Европы? Польша на предвоенных картах обозначалась не как страна, а как «территория особых интересов Германии». Примерно таким же образованием де-факто стала и Финляндия. «Буфера» не получилось.

Явные политико-географические издержки возникали и на южном, и на восточном направлении. На них обращал внимание генерал-лейтенант А. Е. Снесарев – выдающийся военный географ и востоковед, член Русского географического общества, с 1919 по 1921 г. – начальник Академии Генштаба РККА, Герой Труда (1928), создатель, ректор и профессор Московского института востоковедения. Его перу принадлежат книги и статьи по политико-географическим основам стратегии России в Центральной Азии, сотрудничества с Афганистаном, Китаем, Японией, Индией (*«Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе»*) и другими странами.

Заключим, что к моменту начала Второй мировой войны, к сожалению, понимание политико-географических приоритетов для СССР не обретало стратегической цельности. Эти приоритеты стали формироваться у руководства СССР к Тегеранской (1943 г.) и Ялтинской (1945 г.) конференциям. Заметим, что уже в 1941–1943 гг. в «Московской группе» Института географии согласно государственным заданиям делались специальные военно-географические описания и карты для соседних с СССР территорий – Японии, Анатолии (Турции и др.), Балкан, стран Западной Европы и др. Причем задача была не предвосхитить включение их в театр военных действий, а, скорее, для вариантов послевоенных геополитических решений [Тишков 2015].

Если в СССР политическая география до войны была в загоне, то на стороне Германии – главного противника СССР во Второй мировой войне – был основоположник современной политической географии Фридрих Ратцель. Он еще в своей книге *«Politische Geographie»* 1897 г. соединял с позиций географического детерминизма особенности строительства государства, развития торговли и войн. В итоге именно политико-географические идеи Ратцеля стали одной из идеологических основ модели «немецкой колониальной империи» и экспансионистской

политики нацистской Германии в 1930-х гг. Ленинская модель политико-географического устройства СССР с его же делением страны на экономические районы и национальные образования не была адаптирована к современности. А политическая география в отношении государственных границ, районирования, внешних угроз и конфликтов в те годы развивалась в соответствии с директивными указаниями, а правильное – практически не развивалась. Как пример, в столь воинствующем окружении СССР даже не озаботился созданием оборонительных районов, накануне нападения Гитлера размещал основные картохранилища и картографическое производство, в том числе для военных целей, вблизи западных границ – в Киеве, Минске, Одессе и др., не имел четких представлений о планах эвакуации населения и производства. В первые дни войны это приходилось делать, в том числе и географам, буквально «с чистого листа». Правда, еще до войны Институт географии АН СССР начал исследования районов юга Сибири и Казахстана как перспективных для производства зерна (взамен возможных утрат черноземных районов Украинской ССР и юга Европейской России, где в период предыдущего цикла «потепления» участились засухи), а географы Института буквально в первые месяцы войны включились в работы по обеспечению армии и тыла детальными картами, географическими описаниями и пр. [Тишков 2015].

Современный мир и польза политической географии

«Ялтинский порядок» эхом отдается и в наши дни. До начала 1990-х гг., когда воссоединение ФРГ и ГДР дало старт другим перестройкам границ в Европе, были разные попытки коррекции базовых позиций соглашения стран-победительниц. Еще в 1946 г. юг Сахалина и Курилы отошли к СССР и были ратифицированы границы с «располневшей» от части Львовской области и Белостока Польшей. В этом же году Кенигсберг вошел в РСФСР. В 1948 г. остров Змеиный и часть устья Дуная от Румынии перешли в СССР. В 1951 г. произошел равный обмен территориями с Польшей.

Согласно представлениям А. Б. Елацкова и Н. В. Каледина [2019], уже после войны стала формироваться новая парадигма отечественной политической географии – «деятельно-общественная», которая окончательно сформировалась в 1970-х гг. и стала интегрироваться в практику. Но основные современные политико-географические проблемы России оформились сразу после развала СССР, и как ответ на них получила развитие политико-географическая тематика, на первых порах без активного внедрения в практику принятия решений по внутренней и внешней политике. Лишь с конца 1980-х гг. усилиями В. А. Колосова [1988; Колосов, Мироненко 2001; Колосов и др. 2022], Я. Г. Машбица [1989], И. С. Мироненко [1995], Л. В. Смирнягина [1998], М. М. Голубчика [1998], Д. Н. Замятина [1998; 1999], И. М. Бусыгиной [2010] и мн. др. начали формироваться постсоветские реалии политико-географического страноведения, в том числе объяснение политических предпочтений электората, уточнение политического статуса территорий, регионов и непризнанных государств, изучение границ, выделение политико-географических приоритетов во взаимодействии государств и объединений. Особое крыло политико-географических исследований в период «оттепели» формировала ленинградская школа общественной географии [Семевский 1964]. Сама концепция территориально-политической (само)организации общества как адаптация к условиям геополитического пространства формирует и актуальную политико-геогра-

фическую картину мира с его границами, конфликтами, амбициями «молодых» государств, наследием колониального времени западных стран и навязыванием всем и везде «правил» жизни. В итоге получается, что все это можно моделировать, прогнозировать развитие, включать в управление на разных пространственных уровнях, строить идеальные образы и пр. Но насколько они востребованы сейчас государством? Это трудно понять, особенно при анализе государственных заданий учреждений географического профиля Минобрнауки России и РАН. С момента распада СССР «замороженных» политико-географических проблем у государства осталось много. Появляются новые...

При общей востребованности политической географии как методологической основы самой стратегии существования нашего государства и его поведения в условиях глобализации, неопределенности и турбулентности развития не оформился даже типовой набор наилучших технологий ответа на современные геополитические вызовы. Понятно, что помимо естественно-научных технологий, обеспечивающих развитие страны, имеется большой набор гуманитарных технологий, которые как раз и формирует политическая география – в отношении границ, территориальных споров, совместного освоения странами ресурсов Мирового океана, сотрудничества в Антарктиде и в Арктике, создания векторов во внешней и внутренней политике страны и др. Хотелось бы увидеть аналитические работы географов в отношении особенностей территориальной организации и развития хозяйства полосы вдоль границы со странами НАТО, стратегии освоения Арктики с учетом того, что все участники Арктического совета, кроме России – члены НАТО, перспектив восстановления отношений с европейскими странами и ЕС в целом (здесь много чисто политико-географических вопросов), результаты форсайт-анализа «азиатского» вектора развития страны с учетом реалий экономических программ «Один пояс – один путь» и «Север-Юг», оригинальных стратегических решений территориальных вопросов в судьбах «непризнанных государств» и «новых территорий» и др. Наконец, за политгеографами остается и прогноз будущего Земли, ее континентов, государств и регионов. Не алармистские модели изменений климата, какие нам сейчас пытаются навязывать политики (не ученые!), подменяя заботы о гуманитарных перспективах, а вполне ожидаемые прогнозы развития без войн. Какую модель пространственного развития выберет человечество? Географам предстоит *анализировать «новый экономический мир» в новых политико-географических условиях глобализации*. Сценариями, как у климатологов («пессимистический», «умеренный» и «оптимистический»), здесь не обойтись. Как минимум нужны условия для «светлого будущего» – свободное развитие стран без войн, голода, дефицита питьевой воды, техногенных катастроф и пр. А также решение многих проблем географической этики [Тишков 2021]. Авторы журнала «The Economist» по итогам публикаций первого десятилетия XXI в. подготовили книгу «Мир в 2050 г.» [Мир... 2012], в которой обсуждаются все стороны нашего с вами будущего. Катастрофических сценариев и апокалипсиса для Земли там нет. В заключительной главе мы имеем «спокойные» разделы: «Чего не произойдет?», «Невидимые хорошие новости», «Более жизнеспособное будущее». Авторы пишут о горизонтах 2050 г.: *«Позвольте поделиться с вами оптимистическим прогнозом на 2050 г. Это будет время всестороннего экологического восстановления...»* [Мир... 2012: 213; курсив мой. – А. Т.]. Вот и нам надо задуматься о том, что наступает время политической географии, ее гуманитарных технологий «мирного сосуществования» и сближения стран и народов.

Литература

- Бусыгина И. М. Политическая география. Формирование политической карты мира. М. : Аспект Пресс, 2010.
- Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск : Изд-во Смоленского ун-та, 1998.
- Елацков А. Б., Каледин Н. В. Историческое развитие политической географии и геополитики // Псковский регионологический журнал. 2019. Вып. 4. С. 3–15.
- Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.
- Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск : Ойкумена, 1999.
- Колосов В. А. Политическая география: проблемы и методы. Л. : Наука, 1988.
- Колосов В. А., Зотова М. В., Туров Н. Л. Геополитика и политическая география в России: основные направления, теоретические подходы и особенности // Известия РАН. Сер.: География. 2022. № 3. С. 393–415.
- Колосов В. А., МIRONENKO Н. С. Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2001.
- Котляков В. М., Тишков А. А. У истоков отечественной академической географии // Вестник РАН. 2011. № 10. С. 925–931.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 8. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959.
- Машбиц Я. Г. Политическая география: сущность и географизация // Политическая география: современное состояние и пути развития / под ред. В. А. Колосова, А. В. Новикова. М. : Наука, 1989. С. 13–23.
- Мир в 2050 году / под ред. Д. Франклина, Дж. Эндрюса. М. : Эксмо, 2012.
- МIRONENKO И. С. Введение в географию мирового хозяйства. М. : Аспект-Пресс, 1995.
- Окунев Д. Обезопасить Ленинград: как началась советско-финская война [Электронный ресурс] : Газета.ру. 2019. 30 ноября. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/11/30_a_12840704.shtml (дата обращения: 21.02.2024).
- Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М. : Наука, 1974.
- Семевский Б. Н. Политическая география как составная часть экономической географии // Вопросы теории экономической географии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. С. 46–57.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Известия Императорского Русского Географического общества. 1915. Вып. 8. С. 425–457.
- Смирнягин Л. В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М. : МОНФ, 1998.
- Тишков А. А. Вклад академической географии в Великую Победу // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 5. С. 80–86.
- Тишков А. А. Географическая этика в век глобализации // Век глобализации. 2021. № 3. С. 3–18.
- Тишков А. А. География – наука будущего // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 6. С. 500–509.
- Тишков А. А. Три века академической географии в России // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 5. С. 403–414.